

Меня зовут Джордж Джостар. Это имя мне дали в честь моего дедушки-аристократа, но написано оно на испанский манер, «Jorge». Однажды я спросил маму, почему меня назвали не именем «George», более подходящим для англичанина, но она лишь улыбнулась и сказала: «Ну, ты родился на Канарских островах, да и если бы я назвала тебя George, мы бы не могли звать тебя Джоджо, ведь так?»[1] Моего отца, погибшего в кораблекрушении, звали Джонатан Джостар, и всю его жизнь люди звали его Джоджо; он умер в скором времени после свадьбы с моей мамой, и она, продолжая глубоко любить его, решила дать мне возможность унаследовать это прозвище. К сожалению, на Ла Пальме жили только испанцы, и никто так меня не называл; Мама и Лиза Лиза обращались ко мне «Джордж», а все остальные произносили моё имя на испанский манер – «Хорхе». Рассказать это маме – значило бы расстроить её, а потому я об этом умалчивал. Честно говоря, то, как меня звали, было наименьшей из моих проблем. Насколько я могу помнить, надо мной издевались испанские задиры – в этот день на пути домой из школы они измазали моё лицо в собачьих фекалиях. Им удалось частично протолкнуть их в мой нос, и, как я не пытался отмыть своё лицо, вонь не прекращалась. Также они попытались скормить их мне, а потому мне кажется, что я ещё легко отделался. Как и обычно, Лиза Лиза нашла и спасла меня, прежде чем меня перепачкали полностью. Эти свиньи родились на этом острове, и на нём же умрут бессмысленной смертью; у них нет ни капли совести, ни способностей к чему-либо, вроде образного мышления, а значит, нет и малейшего представления о том, что значит сдерживать себя.

— Бва-ха-ха-ха! Тебя снова спасла девчонка, Бальса Бланка! Из твоего члена не выйдет даже весла!

Лиза Лиза сбита сказавшего это с ног и нанесла ему множество ударов, и хоть из его носа начала литься кровь, Антонио Торрес привык к побоям, а потому насмешки не прекращались. Они задели меня за больное. После кораблекрушения мама несколько дней дрейфовала в океане со мной и Лизой Лизой, поэтому банда Антонио начала звать меня Бальса Бланка, что в переводе с испанского значило «Белый плот», но также это было оскорблением в сторону моей матери и отца, из-за чего я каждый раз бесился и начинал плакать. За это я себя ненавижу. Таким я был плаксой.

Я будто подал для них главный десерт. Как только я заплакал, они сразу же залились хохотом, и Лиза Лиза поспешила отвести меня от них подальше.

— Ну же, Джордж! Ты не можешь так реветь! Теперь они с весельем разойдутся по домам! — Лиза Лиза была в ярости. Я же сидел в реке, пытаюсь смыть с себя ужасный запах, но это не помогало. Сопли и слёзы обжигали мои щёки, но Элизабет Стрейтс не оказывала мне и малейшего сочувствия. — Твоё лицо отвратительно... мытьё не помогает! Ты так жалок... Я не хочу, чтобы меня видели на улице рядом с тобой! Если тебе так грустно – иди и плачь в одиночестве! Смотреть на тебя тошно!

Она развернулась и оставила меня здесь. От этого я начал жалеть себя ещё больше. Что я совершил такого, чтобы заслужить всё это? Потому что я был единственным англичанином в классе... Ненавижу приплетать в дела расы, но все из нас были белыми! В нашем классе даже был один азиат, но никто над ним не глумился! Чёрт возьми! Почему все они не дают мне покоя!?

Конечно же, потому что я был плаксой, не шибко умным, не шибко спортивным и обделённым чувством юмора. Азиат был невозмутим и довольно привлекателен, хорошо учился, ходили даже слухи, что он работает детективом... в средней школе. Над таким человеком просто не

могли насмеяться. Но знание причины, по которой меня постоянно преследовали местные задиры, делало ситуацию лишь хуже, и я вновь заплакал...

Продолжая плакать, я вернулся домой, и мама сказала, что Лиза Лиза заперлась в своей комнате.

— Она плакала, ты знал? Лиза Лиза очень за тебя волнуется, Джордж. Какая добрая душа.

На секунду я подумал, что она имела в виду меня (мне казалось, я был на стороне добра), но затем я осознал, что речь идёт о Лизе Лизе, и очень смутился. Это, должно быть, какая-то ошибка. Добрая? Как так? Жестокая, конечно, хоть она и спасала меня от хулиганов, но впоследствии она просто на меня кричала, а перестав, оставляла меня наедине с собой. Что это значит, «добрая»? Когда мы сели за стол, я продолжал негодовать из-за этого, как вдруг мама направила на меня суровый взгляд.

— Джордж, вечером мы должны поговорить с тобой о кое-чём важном. Ты меня слушаешь?

В её улыбке виднелась грусть, и это разволновало меня так, что я вновь почувствовал рефлекторно нахлынувшие слёзы.

— Нет! — сказал я.

— Не будь тупицей, Джордж, — рассмеялась Лиза Лиза. — Она ещё даже ничего не сказала.

Из-за её смеха я нахмурился и повернулся к ней, однако она совсем не улыбалась. Она выглядела очень напряжённой, и это по-настоящему меня напугало.

Что происходит?

— Послушай, Джордж, — сказала мама, — взгляни на меня.

Мне совсем не хотелось этого делать, но выбора у меня не было. Несомненно, это было нечто важное, с чем я должен был неминуемо столкнуться.

— ...что?

Она говорила спокойно.

— Давным-давно было принято решение, что когда Лизе Лизе исполнится двенадцать, она должна будет остаться со своим приёмным отцом Стрейтсом. Все вместе, втроём, мы отпразднуем Рождество, после чего с началом нового года Стрейтс заберёт её с собой. Лиза Лиза отправится в его дом, в Италию.

— ...что?

По правде сказать, из всех плохих новостей, что я ожидал услышать, эта была наихудшей, и, пытаясь взбодриться, на секунду я даже потерял сознание. Всю мою жизнь, начиная с самого детства, Лиза Лиза оберегала меня. Когда меня били, она за меня заступалась, когда что-то отбирали, она возвращала это обратно, стоило мне что-то потерять, как она делилась со мной своими вещами, она утешала меня, когда я плакал, и хвалила, когда я совершал верные поступки. Не могло идти и речи о том, чтобы сейчас забрать её у меня!

— Но... но! Нет! — начал говорить я. — Если Лиза Лиза покинет нас, то я даже представить не

могу, что же тогда будет со мной! – На самом деле, я твёрдо был уверен в том, что со мной будет – они меня убьют. По-настоящему.

Но мама не имела ни малейшего понятия, насколько мои дела были плохи. В её тоне не чувствовалось ни утешения, ни подбадривания.

— Джордж, пришло тебе время стать сильнее и умнее, отбросить всякое уныние – всё, чтобы продолжить жить после ухода Лизы Лизы. Ты должен научиться жить без её поддержки, и у тебя есть шесть месяцев, чтобы доказать, что ты на это способен. Я знаю, она оказывала тебе неоценимую помощь. Доказать, что ты можешь жить и своим умом, было бы лучшим способом отплатить ей за это.

Что-о-о?

Боже, мама была лучшей в... как бы это сказать? Она умела говорить правильные вещи так, что с ней просто невозможно было не согласиться, и ты не мог придумать себе оправдание или возразить ей, не почувствовав себя ужасным человеком. Но я был не в том состоянии, чтобы думать о правильности своих действий! Они почти положили мне в рот собачье дерьмо! Сегодня! Всего пару часов назад! Лиза Лиза каждый день спасала меня из подобных ситуаций! А мама не имела об этом ни малейшего представления! Не имела ни малейшего представления, ни малейшего! В панике я уж было оставил в стороне притворство и гордость джентльмена и взял собачьи фекалии в качестве примера того, насколько мои дела были плохи, как Лиза Лиза заплакала.

— Джордж, ты идиот! Ты можешь подумать хоть о ком-то, кроме себя? Мне придётся уехать жить с отцом, которого я едва помню! Вряд ли я увижу тебя или матушку Эрину снова! Мне так страшно покидать вас, а ты... да пошёл ты, Джордж!

Она позволила слезам стекать по своим щекам, не пытаясь стереть их, и громко зарыдала. Я лишь ошеломлённо на неё глядел. Ещё никогда мне не приходилось видеть Лизу Лизу в слезах.

Мама встала, прошлась вдоль стола и обняла её сзади.

— Ааах, Эри... матушка Эрина... ах... хнык... аах! П-простите, мне жаль. Хнык. Я не могу... не могу перестать плакать! Я не хотела плакать, я же клялась себе, что не буду!

— Плачь столько, сколько тебе нужно. Всё это очень печально, и мне тоже тяжело. Всю свою жизнь ты жила вместе с нами, с тобой было так весело. Мы были так счастливы. Я растила и любила тебя как собственную дочь, и я обещаю, что это навсегда останется так. Запомни это, Лиза Лиза. Знай, я всегда буду любить тебя.

— Ааах, матушка Эрина! Спасибо тебе! За всё! Я тоже люблю тебя! Я люблю тебя! Запомни меня на всю жизнь! Никогда обо мне не забывай!

— Конечно, нет, как же я могу тебя забыть? Ты – моя радость и гордость. Это я должна поблагодарить тебя. Мы с Джорджем очень дорожили твоей компанией.

— А-аа, я... я не хочу вас покидать! Я хочу навсегда остаться жить с вами. Простите, я знаю, с моей стороны это эгоистично, но это то, что я сейчас чувствую.

— И ты не должна этого стыдиться. Бедная Лиза Лиза. Твоя жизнь перевернулась с ног на

голову из-за обещания, данного друг другу взрослыми. Но у тебя есть важное предназначение. Это обещание было сделано с пониманием того, что от него зависит всё человечество. Я уверена, однажды ты всё поймёшь, а пока ты так юна, тебе тяжело будет это принять. Но если ты попытаешься, тебе удастся преодолеть всё на своём пути.

— Ааах! Неет! Я не хочу-у-у! — всё ещё находясь в маминых объятьях, она начала разбрасывать всё вокруг, словно маленький ребёнок в истерике.

Увидев это, я изумился и не на шутку впал в замешательство. «Ах-ха-ха, вау», — подумал я. Лиза Лиза – обычный ребёнок. Я никогда этого не замечал. А ведь это действительно было так. Ей было одиннадцать. Фактически, на данный момент мы были с ней одного возраста. Мне всегда казалось, будто она была взрослее, и именно поэтому заботилась обо мне.

Но она была старше меня чуть меньше, чем на год.

В прошлом году ей было всего десять, и всё это время она спасала меня, а значит сейчас, когда мне уже одиннадцать, я должен быть в состоянии защитить себя из прошлого. Антонио со своими друзьями точно так же издевались надо мной и в прошлом году, но тогда он был гораздо меньше, чем сейчас, и даже близко не так силён. Но я боялся. Боялся, и, наверное, именно из-за этого не мог ничем ему ответить. Мне просто было страшно. Если бы я только мог перестать его бояться, я бы смог дать ему отпор. Единственный способ избавиться от страха – стать храбрым. Я – парень, а потому не могу продолжать дальше полагаться во всём на помощь девушки.

— Хорошо, Лиза Лиза.

Паника прошла, и я затих...или просто пытался казаться тише. Мои губы не переставали дрожать, но я пересилил себя и продолжил говорить:

— Я буду храбрым. Начиная с завтрашнего дня, я лично отобьюсь от Антонио. Может быть, всё выйдет совсем иначе, но я всё равно что-нибудь придумаю. Твоя помощь больше мне не потребуется.

Я улыбнулся ей. Она ко мне повернулась. Даже мама выглядела удивлённой и, может, слегка встревоженной. Им обеим верилось в мои слова слабо. Да и с чего бы? Однако Лиза Лиза моргнула своими покрасневшими глазами, и улыбка протянулась по её мокрым щекам.

— Спасибо тебе, Джордж. Это было чудесно.

Внезапно я осознал, как же Лиза Лиза была красива. Казалось, будто всё её тело искрилось, и я почувствовал, как замерло моё сердце.

— Только не перестарайся. Я не хочу, чтобы ты пострадал, – добавила она.

Так и было. Никто в меня не верил. Но я должен был попытаться.

Всю ночь я провёл в размышлениях о том, как избежать встречи с бандой Антонио по дороге в школу и обратно, пытаюсь придумать быстрый обходной путь – не так уж и смело по сравнению с тем, что я наговорил за ужином. Однако все мои планы оказались бессмысленными. Утром Антонио Торрес был найден мёртвым. Как оказалось, он был убит.

Поскольку я пытался избежать встречи с бандой Антонио и обойтись без защиты со стороны Лизы Лизы, я пошёл в школу как можно раньше. Вместо того чтобы оставить свой портфель в

классе, я спрятался в кладовой, что была за школой, дождался, когда все придут, и в самую последнюю секунду проскользнул внутрь. Жалкое зрелище, но это было лучшее, на что я был способен тем утром. Стоило мне украдкой приоткрыть дверь и сделать рывок к своему месту на задней парте, как я осознал, что в классе царила подозрительная тишина. Эти клоуны постоянно о чём-то кричат, почему же сегодня они были такими тихими? Всё ещё горбившись, я поднял глаза. Все смотрели прямо на меня. Я застыл, как вкопанный. В их взглядах не чувствовалось обычной для них помеси жалости и презрения к изгою класса. Наоборот, я видел в них страх, любопытство и, что важнее всего... подозрение. По неясным для себя причинам я сразу же начал искать взглядом Антонио Торреса. Его здесь не было. А вот его приятели свирепо впивались в меня глазами.

— Ои, Хорхе, — проворчал его лучший друг Хулио, — за чем это ты там прячешься? Где ты был, английский ублюдок!?

— А-а? О чём ты говоришь? Я пришёл в школу, как обычно.

Не мог же я сказать, что всё это время прятался в кладовке.

— Лжец! — закричал Хулио. — Этим утром я ходил к твоему дому! Я забегал прямо к нему! Ты вышел из дому ещё до семи часов!

— Аа? Зачем ты вообще ходил к моему дому?

Он планировал досадить мне прямо там? Пожалуйста, только не это! Это уже последняя капля. Так же против правил!

Следующее, что сказал Хулио, стало для меня неожиданностью.

— Я хотел проверить, знаешь ли ты что-нибудь про смерть Антонио!

Смерть Антонио!?

Что!? Этот кусок говна умер!?

— ...что ты сказал?

— Так почему ты соврал? Всё-таки ты пришёл в школу не так, как обычно?

— Я имел в виду, что пришёл в школу чуть раньше обычного...

— Нет, это не так! Ты пошёл и убил Антонио!

— Э? Погоди, что? Что ты вообще несёшь? Антонио убили?

— Не строй из себя невинного!

— Нет, нет, серьёзно, я понятия не имею, что происходит! Что? Как такое вообще возможно, чтобы я мог убить Антонио?

— Не в одиночку! — Хулио начал орать, а в глазах его замерцали ярость и страх. — Вот если бы помогла Лиза Лиза...

— Лиза Лиза не стала бы никого убивать! — закричал я в ответ. Впервые я повысил голос на Хулио. Это заставило его вскочить, и на секунду он заколебался, прежде чем ответить:

— Где же тогда Лиза Лиза была этим утром? Когда я пришёл к твоему дому, Мисс Жестокости тоже не было дома!

???? Аа-а?

— Твоя мать была в припадке! Ни тебя, ни твоей подружки не было в своих комнатах! И ты хочешь сказать, что вы оба совершенно случайно исчезли в то самое утро, когда убили Антонио? Я не поверю в это ни на секунду! Ты что-то сделал с ним! Я сказал твоей маме, что раз Антонио был убит, то вы вдвоём уж точно должны быть в этом замешаны!

— Что? Ты сказал это моей маме? Ты, скотина! У тебя нет ни единого доказательства!

— Никто, кроме тебя и девчонки, которая тебя защищает, не захотел бы его убивать!

— О чём ты вообще говоришь? Я не смог бы даже попытаться убить его. У меня хватит мужества, чтобы противостоять ему! Я пытался избежать встречи с ним, и поэтому пошёл в школу раньше и спрятался в кладовой до начала урока!

Это признание было таким жалким, совсем в моём духе, так что все, кроме Хулио, с облегчением усмехнулись.

— Ты можешь это доказать!? — Хулио начал требовать доказательства, хотя сам в пользу своих обвинений не предоставил никаких подтверждений.

— Я могу, — сказал мистер Эрнандес, войдя в класс. — Я видел его из учительской. Видел, как он заходил и выходил из кладовой. Хулио, не предьявляй одноклассникам обвинения без причины. Судя по поведению Хорхе и тому, что вы вдвоём наговорили, складывается впечатление, что вы, дети, над ним издевались. Ты, Антонио, и остальные из вас... все накинулись на него. Вам должно быть за это стыдно, слышите?

Хулио покраснел, стиснул зубы и опустил взгляд на пол.

Я был рад тому, что мистер Эрнандес наконец-то всё это заметил, но разве не мог он сделать это раньше? Именно поэтому я никогда не ждал от него помощи.

Но Хулио на этом не остановился:

— Мы до сих пор не знаем, где сейчас Лиза Лиза, ведь так?

В присутствии мистера Эрнандеса я чувствовал себя увереннее и позволил себе наигранный вдох перед ответом.

— Ты только себя послушай. Лиза Лиза никогда бы не совершила подобного. Может она и хорошо дерётся, но она девочка! Она никогда бы не смогла убить Антонио!

— Чуть собачья! — взревел Хулио. — Она - не обычная девочка. Ты не знаешь, она ведь тебя не била, но мы-то все знаем! Её удары и пинки просто ненормальные!словно через тебя проводят электрический ток. И появляется ощущение, будто твоя кровь течёт не в том направлении! Она обладает какой-то странной силой, и она использовала её, чтобы убить Антонио! Вот почему его смерть была такой странной! Всё из-за этой чудачки!

— Аа-а? — я уже перестал понимать, о чём он говорит. — Может, тебе лучше успокоиться? У Лизы Лизы нет никакой «силы».

— Есть, просто ты о ней не знаешь. Однажды она ударила меня, и левая половина моего тела не переставала дрожать часами. А на днях она ударила Антонио, и его ноги побежали без контроля. Он пробежал десять километров без остановки до самого пляжа, прямо в воду, он даже чуть не утонул.

— Что?! Это невозможно!

— Плевать. Ты не знаешь. С тобой бесполезно говорить. Смысл в том, что у Лизы Лизы есть странная сила. Без странной силы невозможно было бы убить Антонио таким образом.

— .....? Что ты имеешь в виду? Каким-таким образом был убит Антонио?

— Да ты и так уже знаешь! Ладно, будь по-твоему. Видишь ли... — Хулио резко остановился, — Антонио... раздавили до смерти, оставив его тело плоским, как лист бумаги. Прямо за его домом. Ни крови, ни мышц, ни костей - от него остался один лишь пласт кожи.

Что за чертовщина?

Антонио Торрес действительно умер именно так? Если это и правда, то я уж точно не могу представить, чтобы Лиза Лиза могла быть на такое способна, но... В то время как я продолжал находиться в смятении, дверь класса внезапно распахнулась.

— Я подслушивал! Ненавижу это признавать, ведь из-за этого портится моё появление, но такова правда! Все казались такими взволнованными, и я никак не мог решиться зайти внутрь, но мало того, что урок не начинался, так ещё и обсуждение становилось всё страннее и страннее. В конце концов, моё терпение лопнуло.

Мальчик в дверях держал под мышкой нечто похожее на длинную толстую трубку. Это был не кто иной, как единственный азиат в классе, Цукумодзюку Като. Самый привлекательный, самый вежливый и самый странный парень в классе - когда он вошёл, все, включая учителя, обратили на него внимание. Такая вокруг него была аура.

Все смотрели, как Цукумодзюку закрыл за собой дверь, дошёл до своей парты, положил трубку на пол и повернулся к нам лицом.

— Хмм... Готов поклясться, я уже раскрыл дело Антонио Торреса, так почему же мне кажется, что всё только начинается?

Мы все открыли рты от удивления.

— Раскрыл?! - вскрикнул Хулио. — Какой вздор! Мы нашли тело Антонио и разошлись, как только приехала полиция. Это произошло менее часа назад! Ты не полицейский - как ты тогда мог узнать, что он мёртв?! И ты утверждаешь, что раскрыл его дело?!

— Да, потому что так и есть, — сказал Цукумодзюку.

— Но как...?! — сказал Хулио, с трудом находя слова.

— Ты прекрасно это знаешь, Хулио Гонзалес. Потому что я - детектив. По счастливой случайности я проходил мимо жилища Торресов в тот момент, когда вы выбежали оттуда. Некоторые скажут, что сама судьба привела меня туда, — загадочно добавил он. Цукумодзюку направил свой взгляд на меня. — Но, кажется, судьба ведёт меня в ином направлении.

Пытаясь устоять перед его пронзительным взглядом, я задался вопросом: как он мог говорить в таком взрослом тоне? Точно ли ему было одиннадцать? Нет - в этом году его день рождения ещё не наступил, ему было всего десять.

И тогда меня осенило.

Впервые я заговорил с ним лицом к лицу.

— Мм, - начал говорить я дрожащим голосом, — так... ты раскрыл убийство Антонио Торреса? Лиза Лиза как-то связана с этим?

— Я так думал.

В прошедшем времени?

— Значит... это не так?

Вместо того чтобы ответить, он спросил:

— Хорхе, ты когда-нибудь читал детективные романы?

— ...? Детективные романы? Мм... по-моему, у меня есть парочка таких дома, но...

- Это литературный жанр, возникший около шестидесяти лет назад, в 1841 году, когда американский писатель Эдгар Аллан По[2] опубликовал свой рассказ под названием «Убийство на улице Морг»[3]. Существенная часть жанра, очевидно, заключается в том, что убийство, кажущееся невозможным, впоследствии раскрывается гениальным детективом.

— Очевидно? Откуда мне это знать? Моя мама говорила, что детям их читать не стоит. В любом случае, мне не нравятся книги об ужасах. К чему ты клонишь?

— Но тебе ведь понятна концепция детектива?

— Как в «Шерлоке Холмсе»?

— Именно. Вымышленный персонаж, как инструмент, необходимый для раскрытия правды в финале произведения.

— И?

— Это я.

— ...хорошо. И что?

— Детектив исследует все улики, полностью разбирается в деле и, наконец, приходит к идеальному решению.

— ...

— С другой стороны, когда новые доказательства проливают свет на детали, ранее неизвестные, разгадка перестаёт быть идеальной, а несовершенная разгадка не является истиной.

О чём, чёрт возьми, говорил этот азиат?

Цукумоджуку встал и начал ходить по классу, закрывая шторы.

— Новый мир лежит прямо перед нами! — объявил он. — Факты, что прежде были скрыты от нашего взора! Моя разгадка была не совершенна! Я был не прав! Дело! Не! Раскрыто!

С каждым своим восклицанием он с размахом закрывал занавески. В затемнённом классе, держа на себе всё внимание, он вернулся к своей парте и достал трубку, которую принёс с собой.

— Он очень чувствителен к свету и сухому воздуху, — объяснил он и что-то из неё вытянул. Цукумодзюку выкатил это на стол. Это был Антонио Торрес... только плоский.

С дырками на месте глаз. Абсолютно голый. Плоский, как лист бумаги.

Ни крови, ни мышц, ни костей - от него остался один лишь пласт кожи.

Мальчик, сказавший это, завопил от ужаса.

— Что с тобой не так?! Зачем ты принёс сюда труп одноклассника?! Полиция будет в бешенстве! О Боже! О Боже!

Цукумодзюку и глазом не моргнул.

— Хмф. Я попросил разрешение на то, чтобы оставить его себе как сувенир, и полиция отдала мне его в качестве награды за раскрытие дела. Ругать меня за это никто не будет.

Лист, в виде которого Антонио Торрес лежал на парте, имел слегка вытянутый вверх и повернутый в сторону подбородок, его глаза частично открылись. У него не было глазных яблок, из-за чего он выглядел смотрящим вдаль и погружённым в размышления. Его руки были сложены перед ним, будто он пытался прикрыть свою голую грудь или оттолкнуть от себя нечто, причинявшее боль. Его бёдра были повернуты в одну сторону, будто пытаясь прикрыть его маленький пенис, а его колени, лодыжки и стопы были свёрнуты так, будто он танцевал. Он ежедневно мучал меня в течение многих лет, но это... это было прекрасно.

— Ты... — начал говорить я, — ты уверен, что это не картина?

— Это именно то решение, к которому я пришёл, Хорхе. Или мне следует звать тебя Джордж... Джордж Джостар?

— Что ты несёшь?! Это его тело! Это же кошмар как мерзко-о-о! — завопил Хулио.

Цукумоджуку кивнул:

— Тоже верно... но это далеко не вся правда.

По комнате прошёлся переполох, но к тому моменту все мы уже были под действием чар Цукумодзюку.

— Это - произведение искусства, созданное матерью Антонио, Марией Торрес. Она создала его, снимая кожу со своего сына. Кости, кровь и плоть не были уничтожены; точнее, снята была только кожа, а затем она была аккуратно собрана клеем, и волосы, состриженные в течение последних нескольких месяцев, были аккуратно прикреплены к голове, чтобы окончательно завершить тело как произведение искусства. «Антонио этого года» - вот как она назвала его.

Для всех нас это было уже чересчур. Я даже чуть не забыл, как дышать.

Его голос дрожал, но всё же Хулио спросил:

— Но... если кожа была снята, не должен ли был Антонио умереть?

— По идее, да, если бы всё это было сделано сразу, — совсем без возмущения ответил Цукумодзюку. — Поэтому она сдирала кожу понемногу, обрабатывала кусочки маслом и крепко сшивала их нитками. Но полученный результат был скорее лоскутным, линии пошива, как правило, собирались в кучу, и можно было легко заметить, какие кусочки кожи были собраны недавно; ранние версии совсем не были похожими на то, что вы могли бы назвать красивым. Мария усовершенствовала свою технику, и тело её сына адаптировалось к выживанию.

— Эмм... — Хулио сглотнул, — ты хочешь сказать... что это не единственный экземпляр?

— Да, — кивнул Цукумодзюку. — Она делала их раз в год, начиная с детских лет Антонио, так что в этом году их уже двенадцать. Первые работы получались не слишком хорошо, но, начиная с прошлого года, они стали вполне ничего. В частности, в этом году это - настоящий шедевр.

— ...!

Вместе с недоумевающим Хулио кто-то пробормотал:

— Так ужасно... его собственная мать... как она могла? Это противоестественно!

— Её любовь к сыну тяжело назвать «естественной», — сказал Цукумодзюку. — С момента изобретения фотоаппарата камеры Kodak стали достаточно доступными. Может, на Ла Пальме и нет магазина камер, но в Санта-Крус-де-Тенерифе такой точно есть. Однако Марии нужна была кожа. Полагаю, она любила её текстуру. Ни одна фотография не может запечатлеть такое. Прежде чем её забрала полиция, Мария потерлась о своё произведение щекой, отчаянно пытаясь насладиться последними моментами рядом со своим шедевром.

Я слышал, как рвало некоторых моих одноклассников, и содержимое их желудка разбрызгивалось на полу. Тем не менее, те, кто стояли рядом с ними, никак не отреагировали на это.

Я пристально рассматривал «Антонио этого года», но никак не мог увидеть на нём каких-либо швов или накладок. Неужели они все были внутри него? Но я не рисковал его трогать.

— Красиво, не правда ли? — сказал Цукумодзюку, стоя рядом со мной. — В этой работе есть всего один шов, который проходит по спине от шеи к тылу.

А-а-а?

— Но... разве это не стёганое полотно?

— Хе-хе, стёганое полотно? Можно и так сказать. Но это применимо только к ранним работам. Как я уже сказал, она усовершенствовала свою технику, и тело её сына к ней адаптировалось.

— ...?

— Каждое лето мать сдирала с него кожу. Даже если она была достаточно осторожна, чтобы не снять слишком много и убить его, снятие кожи с отдельных участков тела в любом случае причиняло ему много боли. Ему нужна была защита от неё. Все клетки человеческого организма полностью сменяются каждые семь лет; но вот кожа сменяется раз в месяц - в случае Антонио Торреса, за три дня до шестнадцатого июня - дня добычи Марией кожи - производство клеток кожи в его организме ускорялось. Марии оставалось лишь сделать разрез вдоль его спины, и Антонио мог вылезти из своей старой кожи. Его новая кожа была тонкой и полностью покрывала его тело; старую же кожу он мог сбрасывать, словно змея. Затем Мария со всех сторон наносила на сброшенную кожу тонкий слой масла, чтобы предотвратить её высыхание, и закрывала разрез сзади медицинским клеем. Именно так был создан «Антонио этого года», — сказал Цукумодзюку, словно официант, объясняющий посетителю рецепт блюда.

— Значит, Антонио всё ещё жив? — спросил я. Если это был не труп, а лишь снятая с него кожа, то сам Антонио до сих пор должен был где-то находиться, и мне нужно было сформировать новую стратегию для обхода его стороной.

Цукумодзюку неловко улыбнулся.

— Я полагал, что он был... — он повернулся лицом к двери класса и сказал, — Ты можешь войти.

Можешь? Какой надменный подбор слов. Я обернулся посмотреть на дверь в тот момент, как она открылась. Там безжизненно стоял Антонио Торрес. Его товарищ Хулио сделал шаг вперёд, чтобы поприветствовать его, но...

— Стой! Не подходи!

Цукумодзюку крикнул это так громко, что Хулио подпрыгнул и застыл на месте. Конечно, я находился на грани столкновения с не таким уж и мёртвым Антонио, но в то же время... что-то с ним было не так. Обычно Антонио разговаривал со мной, со своими друзьями, взрослыми, вообще со всеми вокруг; он постоянно находился в движении, никогда не успокаивался, его глаза бросали во все стороны острые взгляды. Теперь он неподвижно и безучастно стоял в дверях. До этого момента я никогда не видел его таким. Обычно он сразу врвался внутрь, и он

уж точно не стал бы ждать снаружи, даже если бы это сказал ему делать Цукумоджуку. Но вот он, молча стоит, не совершая никаких движений.

Как я и ожидал, Цукумоджуку сказал:

— По дороге в школу ты не сказал мне ни слова, Антонио. Я думал, ты отходил от состояния шока - в конце концов, твоя мать была арестована. Но я был не прав, ведь так? Мне показалось, от тебя чем-то немного пахло, но из вежливости я не стал тебе об этом говорить... это было ошибкой. На самом ли деле существует две версии «Антонио этого года»?

Там стоял кто-то живой, но точно не Антонио. Я знал это.

— Не будет ли человек внутри так любезен выйти? — сказал Цукумодзюку.

— Остальная часть класса наконец поняла, что перед ними стоял кто-то, обтянутый кожей Антонио. Хулио со своими друзьями сделал шаг назад.

— У меня очень хорошее обоняние. Не смотря на неприятный запах кожи, я чувствую запах шампуня, которым вы пользовались, — сказал Цукумодзюку. — Я не могу назвать марку... но Хорхе... Джордж Джостар использует точно такой же.

...? А-а-а?

— Что?... - я запнулся.

«Антонио Торрес» вздохнул.

— Есть вещи, которые тебе, детектив, лучше не знать, — произнёс женский голос.

Голос, который я знал.

— Я не хотела напугать детей, — сказала она. Разрез на спине Антонио открылся, и Элизабет Стрейтс выбралась изнутри.

А-а-а-а! Весь класс закричал. Я же кричать не мог. Вылезая из кожи Антонио, Лиза Лиза выглядела такой красивой. Ещё красивее, чем мне казалось прошлой ночью. «Вау, Лиза Лиза и впрямь изумительна», — подумал я. Это странное осознание оставляло во мне странное спокойствие.

Цукумодзюку ничего не сказал, но глаза его засияли острым интересом, с которым он внимательно за ней наблюдал. Она отбросила «Антонио Торреса» в сторону, будучи одета лишь в корсет и свое нижнее белье; практически голая, но совершенно не смущенная. Казалось, ей так было вполне комфортно - она была прямо как женщина в театре или печатной рекламе, только меньше и не так соблазнительна.

— Ч-что здесь вообще происходит? Тихо всем, я со всем разберусь, — сказал мистер Эрнандес и вышел в ярко освещенный коридор.

Лиза Лиза его проигнорировала. Она вытащила свое платье из портфеля Антонио и надела его.

— Меня зовут Элизабет Стрейтс, — сказала она. — Я - ученица этой школы, на год вас старше. То, что я собираюсь сказать вам - очень важно. Человек, убивший Антонио Торреса, прячется где-то поблизости. Полиция разыскивает его, но мы нуждаемся в вашей помощи. Мы не будем просить вас сделать что-то сложное или опасное. Как раз наоборот - ради вашей же собственной безопасности полностью следуйте этим простым инструкциям. Во-первых, вы будете созваны во двор, где вам объяснят то же самое, о чём я говорю сейчас. Оттуда идите напрямик домой. Не останавливайтесь поиграть и убедитесь, что вы выбрали путь, идя по которому всегда будете оставаться под лучами солнца. Вы не должны нигде останавливаться. Не заходите в магазины, дома своих друзей, не ходите в тени деревьев и любой ценой избегайте дороги по побережью. Я говорю это потому, что нам известно, что в дневное время убийца прячется в тени. Для сохранения безопасности очень важно, чтобы вы оставались на свету и шли напрямик домой. Что бы вы ни видели и кто бы вас ни позвал, не обращайтесь внимания. Просто идите домой.

Лиза Лиза держала перед собой кулак с поднятым вверх указательным пальцем. Мы слушали молча, но смысл её слов был нам не понятен. Жара наконец-то начала спадать, и всем нам хотелось поиграть на улице. Я должен был избегать основных мест для игр, таких как парк или пляж, из-за страха перед хулиганами, но даже так мне хотелось сходить в библиотеку или кондитерскую.

Но Лиза Лиза подняла вверх ещё один палец, не обращая внимания на наше недовольство.

— Во-вторых, как только дойдёте до дома, не выходя из зоны солнечного света... закройте все двери и окна. И больше не выходите. Если кто-то постучит - не открывайте двери. И даже не отвечайте. Сидите тихо и неподвижно, пока он не сдастся и не уйдёт прочь. Не важно, как хорошо вы его знаете, не важно, насколько грубым вам это кажется... сегодня, в одиночку, вы должны сделать это. Полиция дала всем такие же инструкции, так что любой стучащий должен об этом знать. В этот день никому, кроме вашей семьи, не разрешено находиться в вашем доме. Сегодня вы должны тихо играть в своих домах.

Но ведь если закрыть все двери и окна, то тогда внутри станет невыносимо жарко...? Да и оставаться дома звучало очень скучно.

Дети в классе заворчали, но Лиза Лиза их проигнорировала.

— В-третьих! Как только солнце сядет, никого не пускайте внутрь. Даже членов своей семьи. Если все не смогли вернуться домой до заката, то соберитесь со всеми пришедшими в центре дома и спрячьтесь. Если пропавшие или кто-либо ещё вернётся, не говорите с ними. Не отвечайте, даже если они звонят. Оставайтесь в укрытии до самого утра. Когда солнце полностью взойдёт, идите в полицейский участок или ищите патрулирующих полицейских.

Теперь Лиза Лиза поднимала три пальца, а из-за всё большей необоснованности её указаний всеобщее ворчание становилось всё громче.

— Успокойтесь и послушайте, — рявкнула Лиза Лиза. Все моментально замолкли. — В-четвёртых, — сказала она, в последний раз поднимая палец, — в какой-то момент этим вечером вы можете услышать шум неподалёку от своего дома. Громкие голоса, звуки борьбы, даже крики. Не ходите разбираться, в чём дело. Если вы слышите странные звуки или голоса, делайте всё точно так же, как я сказала ранее; спрячьтесь в центре дома со своей семьёй и ждите утра. Ни с кем не говорите. Не издавайте ни звука. Ждите рассвета.

...! Что такого должно было произойти этой ночью?

Когда смысл инструкций Лизы Лизы стал всем понятен, в классе воцарилась паника. Некоторые девочки начали плакать.

— На этом всё? — спросил Цукумодзюку, всё это время внимательно её слушавший.

— Да.

— Итак, кто-то убил Антонио Торреса. Кто-то... слабый перед солнечным светом, но как только солнце сядет, он с большей вероятностью нападёт на кого-то случайного, — сказал он, подытоживая факты.

Теперь мне стало страшно. Этот вечер будет по-настоящему жутким. Лиза Лиза была очень крутой... но в то же время очень неопределённой, и это подкосило мою уверенность.

— А что с тобой? — спросил Цукумодзюку. — «Антонио этого года» здесь, значит кожа, которую ты носила, должна быть настоящим трупом Антонио Торреса.

Бе-е-е-е. Мне не хотелось в это верить. Я смотрел на кожу, лежавшую на полу. Почему она совершила нечто настолько ужасное?

— Ты подстроила всё так, будто Антонио Торрес до сих пор жив. Но не мне в пользу, — продолжил Цукумодзюку. — Ты пыталась поймать этим внимание убийцы и запутать его.

— Да, но это не всё...

— Также ты пыталась выманить его из укрытия.

— Именно так.

— Значит, твоя задумка сработала. Твой ненавидящий солнце убийца уже здесь.

Лиза Лиза повернулась, следя за его взглядом.

Минуту назад коридор был залит солнечным светом, но сейчас там было темно и мрачно. Шторы были опущены. Мы слышали, как кто-то продолжает опускать шторы по коридору. Но насколько бы испуган я не был, каким-то образом мне удалось открыть дверь и заглянуть туда. Человеком, закрывающим шторы, оказался мистер Эрнандес.

Зачем ему это?..

— Мистер Эрнандес? — позвал я. Он остановился на свету, держа в руках занавеску, и повернулся ко мне. Трещины разбежались по его лицу, рассыпавшемуся на кусочки. На лбу у него была большая дыра. Девочки позади меня закричали.

— Аи-и-и-и-и!

— Мистер Эрнандес!

— Что происходит?! Нет! Нет! Нет!

Шух. Он закрыл занавес. Когда он пошёл на солнечный свет, чтобы закрыть следующую занавеску, его лицо продолжило разваливаться на куски. Не только голова - всё его тело буквально рассыпалось. Это была не «слабость к солнечному свету». Солнце его убивало.

Шух.

Пока мы смотрели, как он закрывает шторы, Цукумодзюку сказал Лизе Лизе:

— Значит, плоть, кровь и кости Антонио действительно были высосаны... но как вообще можно совершить такое? Я предполагал, что никто не смог бы это совершить... значит, ни один человек на такое не способен. Это предположение было неверным, ведь так? Мы имеем дело не с человеком.

— ...

— Позволь спросить ещё раз. Ты призвала эту штуку сюда...так кто ты такая? Что у тебя за сила?

Я повернулся посмотреть на неё.

Такой Лизу Лизу я не узнавал. Она посмотрела прямо на меня.

— Ещё со времён, когда я была маленьким ребёнком, я умела дышать особым образом - прямо как мой приёмный отец Стрейтс и, Джордж... как твой отец.

— Что? — спросил я. — Я никогда раньше об этом не слышал.

— Однажды в детстве я оказалась в ситуации, ещё более опасной, чем эта. Думаю, я научилась дышать так, чтобы защитить себя.

— Дышать как?

— Моё дыхание даёт мне силу, Джордж. Я обещаю, что защищу вас.

Это не имело смысла, но она улыбнулась мне и прошла мимо меня в сторону коридора. Последний занавес был опущен, зал погрузился во тьму

Мистер Эрнандес стоял совершенно неподвижно, сжимая последний занавес в руках. Он явно уже не был живым. Его голова полностью исчезла, левая рука отвалилась, талия рассыпалась, и кишки повалились на пол, остальная же его часть обратилась в пыль. Он был мёртв. Он был мёртв всё то время, пока закрывал шторы.

Я понятия не имел, как такое возможно.

Но я знал, что мистер Эрнандес был человеком, когда ещё находился рядом с нами, а также я знал, что он отчаянно пытался закрыть эти шторы, что его и убило... Значит, он закрывал эти шторы для кого-то другого. Кого-то, кто ненавидел солнечный свет. Того, кто убил мистера

Эрнандеса и заставил его проложить себе путь.

Я не мог даже представить, что нечто такое возможно, но я знал, что это было правдой.

— Джордж, пожалуйста, сделай несколько шагов назад, — сказала Лиза Лиза, глядя в темноту.
— Если вы подойдете слишком близко - вы будете шокированы.

Ах? Я сделал шаг назад, но Цукумоджуку продолжал стоять на месте. Когда я посмотрел на него, он сказал:

— Опыт - это всё.

Я был напуган, но при этом никак не мог оторвать взгляд от Лизы Лизы.

— Он здесь, — сказала Лиза Лиза; её взгляд сузился.

— М-м-м? Хм-м-м? — сказал Цукумодзюку, вглядываясь в глубину зала. — А был ли у Антонио старший брат?

— Нет, что ты...?

— Молодой человек, выглядящий прямо как Антонио Торрес... стоит сейчас на потолке.

Что?

Мне захотелось на это посмотреть, но выходить туда я уж точно не собирался. В этот момент я и пальцем не мог повести.

— Сеньорита, — сказал голос, явно обращаясь к Лизе Лизе. В этом голосе звучала странная сладость, от которой мне стало не по себе. — Вы не видели моего сына?

Сына?

— Он выглядит ухоженно, но при этом он такой ужасный ребёнок. Я всегда питал к нему ненависть и потому съел его целиком, но позже я узнал, что этим утром он отправился в школу. Я знаю, он не мог выжить, поэтому этот факт немного странен.

Он... съел его?

Я взглянул на пол, где лежала кожа Антонио.

— Ты имеешь в виду того мелкого гадёныша, достававшего моего друга? — сказала Лиза Лиза. Её голос дрожал! — Не волнуйся, он мертв.

— М-м-м? Да? Я ошибся?

— Думаю, ему лучше было умереть. В том смысле, ведь его мать была извращенкой, которая любила снимать с него кожу, а отец был так ужасен, что съел своего собственного сына. Должно быть, смерть стала для него облегчением.

— ...

Мужчина затих, но я услышал звук «фушу-у-у», похожий на длинный вдох.

— Алехандро Торрес, если бы отец из вас был лучше, мой дорогой Джордж Джостар никогда не был бы измучан вашим мерзким сынишкой. Вы заплатите за это.

Внезапно я вспомнил обещание, которое дал прошлым вечером.

Единственный способ избавиться от страха – стать храбрым.

Я – парень, а потому не могу продолжать дальше полагаться во всём на помощь девушки.

Тем не менее, вот он я, прячусь за спиной Лизы Лизы.

Фушу-у-у-у. Снова раздался этот звук. Вдыхая воздух через нос, он заговорил:

— Не стоит тебе так разговаривать с взрослыми, юная леди.

Лиза Лиза фыркнула:

— Сначала прячешься, прикидываясь испанцем, а теперь ещё и притворяешься джентльменом? Придурок.

Её голос всё ещё дрожал, и я был уверен, что её тело тоже дрожало как осиновый лист.

Но она смотрела на него, покоряя свой страх.

Всё что я делал, так это дрожал. И ничего более. Я позволял ей делать всё по своему усмотрению.

— Закрой свой маленький мерзкий рот! Следующим делом я вытряхну из тебя кишки! — закричал мужчина. Топ-топ-топ-топ-топ! С каждым шагом он спускался с потолка!

Лиза Лиза быстро сделала глубокий вдох и побежала.

Нет. Настал мой черёд действовать.

Я побежал вслед за ней.

— Ах, стой, не делай глупостей! — позвал меня Цукумодзюку, но меня это не остановило. Я мчался по коридору в погоне за Лизой Лизой.

Её спина выглядела такой маленькой, а плечи такими хрупкими. Я должен был опередить её.

Молодой человек на потолке определённо был похож на Антонио Торреса, но из его открытого рта торчали длинные острые зубы, угрожающие Лизе Лизе.

— Я съем тебя! Да, прямо тебя, малышка! Ва-ха-ха-ха! — В диком хохоте он оторвал ноги от потолка, завертелся в воздухе и бросился к Лизе Лизе.

— Я – защитница Джорджа Джостара! Я сражаюсь ради защиты его прекрасного рода! Дыши, Лиза Лиза! Сине-Голубой Овердрайв!

Сначала её голос звучал шёпотом, но свою фразу она закончила криком, махнув кулаком вперед... в тот самый момент, как я прошел мимо нее, и с пустыми руками, не имея плана, закричал:

— Эй! Никогда не смей бить девушек!

...и встал между Лизой Лизой и этим ужасным человеком.

Мое внезапное появление застало Лизу Лизу врасплох. На секунду наши взгляды пересеклись, но ее кулак не остановился. Ее губы раздвинулись, чтобы что-то сказать, и она ударила по полу в тот момент, как человек с клыками приземлился и посмотрел на меня.

По полу пробежалась рябь, которая образовала круг, заполненный каким-то сложным узором. Когда он задел того зловещего человека, он ударил по кругу в ответ, после чего мгновенно рассыпался, подобно песку или пеплу.

— О-о-о-о-о! Вау, Лиза Лиза! - крикнул я.

— Ты идиот! - взвизгнула она, не переставая удивляться. Через секунду я упал спиной на пол, и с ног до головы меня потряс удар, будто только что меня поразила молния. Я упал в обморок.

Когда я проснулся, на дворе уже настало утро, и всё было кончено. Стрейтс стоял у моей кровати и объяснял мне, что останки Антонио и Алехандро Торресов были вычищены, и что все провели ужасную ночь, прячась в своих домах, пока он со своими друзьями обходил остров, убивая монстров, подобных Алехандро. Он сказал, они уверены, что остров находится в безопасности, и с восходом солнца жизнь на Ла Пальме сможет вернуться в норму.

— А Лиза Лиза? - спросил я.

— Она всю ночь работала с нами. Сейчас она устала и крепко спит.

— ...она на меня злится? Я снова всё испортил и встал у неё на пути.

— Джордж, Джостары никогда не колебались перед тем, как подвергнуть себя опасности, и ты не исключение. Но ты всё ещё слишком юн. Не все твои стремления приведут тебя к успеху. Расти, и стань хорошим человеком, верным сердцем и сильным духом.

— ...у меня есть силы, как у Лизы Лизы?

— ...а ты их хочешь?

Хотел ли я их? Я вздрогнул от самой лишь этой мысли.

— У отца Антонио были клыки, и он был... слишком молод. А ещё он мог ходить по потолку. Он сказал, что съел Антонио.

— Да.

— Вы сражаетесь с такими монстрами, Стрейтс?

— Да, это так. И мы упорно тренируемся, чтобы обладать мощностью для борьбы с ними.

— ...мне страшно. Я никогда не хотел бы увидеть что-то подобное. Если бы это произошло... уверен, я не смог бы и пальцем пошевелить. Мои ноги оцепенеют, и меня съедят заживо. Я не хочу, чтобы это произошло, мне страшно. Я не хочу ещё раз приближаться к таким людям. Я не хочу таких сил, как у Лизы Лизы.

Стоило мне сказать это, как я почувствовал себя настолько жалким, что заплакал. На время страх покинул меня, но теперь он вновь вернулся. Тот мучительный вид страха, от которого тяжело дышать; я задыхался сквозь собственный плач. Я был зол на себя за то, что плакал перед Стрейтсом, но в то же время мне пришла мысль: «Посмотрите, как я жалок, кто будет просить меня драться? Лиза Лиза намного храбрее, пусть она справляется с этим».

Я был ужасен, и это заставило меня рыдать ещё сильнее.

— Но ты же двинулся тогда, не так ли? — сказал Стрейтс, похлопывая меня по плечу.

Я ничего не сказал. То, что я тогда сделал, было глупым решением. Я засмутился.

Стрейтс и его компания решили остаться на Ла Пальме, пока не придёт время забрать Лизу Лизу в Италию. Они сказали, что займутся её серьёзным обучением, пока будут преследовать монстров. Мне не хотелось ничего слышать об этом, и поэтому я ничего не спрашивал. Мы с Лизой Лизой перестали встречаться взглядами, она говорила со мной всё реже и реже, а настроение в доме стало таким мрачным, что я стал с нетерпением ждать её ухода.

Пока я продолжал поправляться, сидя дома, меня решил навестить Цукумодзюку. Когда я спросил его, как идут дела в школе, я услышал, что едва ли не я единственный отсутствую на занятиях из-за шока. С другой стороны, Хулио начал приходить в школу каждый день и в значительной степени перенял на себя роль Антонио. Хотя, по его словам, у него не было планов продолжать меня преследовать.

— Элизабет упомянула это лишь мимоходом, но, видимо, семья Торресов на самом деле была англичанами. Я удостоверился в этом. Их настоящая фамилия – Хайтауэр. Антонио родился под именем Энтони, а Алехандро на самом деле был Александром. Они просто изменили свои имена, чтобы больше походить на испанцев. В Англии они занимались железнодорожным бизнесом, а обанкротившись, закончили свою карьеру здесь... возможно, именно из-за этой истории он и гонялся за тобой.

— ...

Мне нечем было на это ответить. Всё было кончено. Семья Торресов приехала на остров сломленной и встретила на нём свою судьбу. Ла Пальма была ярким, полным радости местом; мне всё ещё тяжело было поверить в то, что такая тьма пряталась в тени, или в то, что Алехандро действительно ходил по потолку с раскрытыми клыками.

— Спасибо тебе, — сказал я.

— За что?

— За то, что навестил меня.

Цукумодзюку переменился в лице.

— Да, что ж... когда всё стихло, мне стало нечем заняться.

— Ха-ха, и что? Меня это не волнует. У меня никогда не было друзей. Никто никогда не приходил ко мне играть.

— ...ох. Прости.

— В этом нет твоей вины.

— Но это правда, мне кажется, я относился к тебе довольно холодно.

— ? Что? Ты? Я никогда этого не замечал. Это потому что я - англичанин?.. — я приготовился к его ответу и тому, что он меня просто недолюбливал.

Но то, что он ответил в действительности, не имело никакого смысла.

— Потому что я был детективом.

— ...был? Я не понимаю, но... разве ты не всё ещё детектив?

— Возможно. Но я в этом больше не уверен. Нельзя называть себя детективом, если ты в этом не уверен.

— ...чего?

— Хе-хе, ты так беззаботен, не так ли, Джордж? Но не думаю, что ты всю свою жизнь сможешь лежать, пустив всё на самотёк.

— ...?

— Время приближается. Давай поговорим об «уверенности». Я называю себя детективом. И я хорошо справляюсь с этой ролью. У меня были свои неудачи, и я допускаю ошибки, но при этом я всегда остаюсь спокойным. Почему? Потому что я уверен в том, что я - детектив, и смогу разобраться в любом деле. Вот почему я всегда без колебаний называл себя детективом. Понимаешь? По-моему, статус детектива - это честь. То, чем другие описывают тебя, а не то, чем ты описываешь себя самого. Художники, как правило, не называют себя мастерами или гениями. Они не называют свои работы шедеврами. Обычно, называть себя детективом точно так же смешно.

— ...ну, того же ли я мнения? Когда ты назвал себя детективом, я не увидел в этом ничего странного.

— И вот что странно. Почему всем кажется, что я совершенно не могу допускать просчётов? Тебе, другим, даже мне самому. Дела, в которые впутывается детектив, всегда чрезвычайно запутанны и полны сюрпризов. Преступники постоянно используют тщательно проработанные уловки, и в последний момент всегда происходит хотя бы один сюжетный поворот. Должно быть, достичь правды без ошибок на своём пути совершенно невозможно. Может, один раз, но постоянно?

— Хм... но ты же сказал, что допускаешь ошибки.

— Да. Но, в конце концов, я всегда добиваюсь до правды и раскрываю дело.

— Разве это плохо?

— Но также это ли не странно?

— Хм... ты находишься под большим давлением? То есть ты хочешь сказать, что все ожидают от тебя успеха, и тебя это расстраивает?

— Нет, ничуть. Я никогда чувствовал на себя давление. Я всегда добиваюсь до правды.

— Хех. Так в чём проблема?

— Вот о чём я и говорю! Проблем нет, и это проблема! Я просто обычный мальчик. Гарантированный успех должен быть для меня совершенно невозможным.

— Поэтому, несмотря на то, что ты всегда добиваешься успеха, ты считаешь странным тот факт, что ты это делаешь?

— В точку, — сказал Цукумодзюку серьёзным тоном. — Обычно, у людей нет настолько чётко определённых ролей.

— Хм... так ты думаешь, тебе недостаёт скромности?

— Нет. Думаю, у меня нет нужды в скромности. Уверен, отсутствие скромности никогда не станет для меня проблемой.

— ...так, всё всегда идёт по твоему плану, и ты знаешь, что так и будет?

— Да! Думаю, к чему-то мы с тобой придём, — сказал Цукумодзюку, пристально за мной наблюдая. — От этого исходит моя «уверенность». В то, что мир был создан для меня, я не верю; я знаю, что это так. Я говорю не о большом приливе уверенности, который случается в моменты, когда всё идёт хорошо. Я имею в виду, что я был избран богом этого мира. И я знаю, что был. Вот почему я мог без малейшего стыда называть себя детективом, и это не вызывало у меня никаких проблем.

— ...ух ...что ж, ты очень удачлив. Но я не вижу в этом ничего плохого.

— Мы снова отходим от сути дела, поэтому позволь мне сказать, Джордж Джостар. Всё это время я находился в роли детектива, и я точно знаю, какого это. Нечто подобное не может происходить без проявления воли «бога». У меня есть некто, наблюдающий за мной, кто-то вроде бога, но не Бог.

— ? ...ха-ха, как люди говорят: «Бог с нами».

— Богов не волнуют индивиды. Они не избирают любимчиков. Даже если они действительно дадут кому-то роль, они не станут манипулировать этим настолько, чтобы разрушить естественный порядок вещей. То, что есть у меня, имеет силу бога, но работает только для меня.

— ...

— Позволь сказать мне именно то, что я имею в виду. Скажем, я - Шерлок Холмс. Тогда я уверен, что у меня есть нечто за пределами этого мира, служащее мне Артуром Конан Дойлом. Я уверен в этом так же, как уверен в том, что я - детектив. И у меня есть имя этому нечто, которое даёт мне направление откуда-то не из этого мира. Я назвал его «Потусторонний».

Я решил, что он бредил. Он был слишком умён и слишком успешен, и либо его занесло, либо он действительно съехал с катушек. Или же его естественная скромность была подавлена и деформирована, пока он не поверил в этого хранителя.

Но на этом Цукумодзюку не закончил молоть чепуху.

— Но сейчас я говорю в настоящем времени, когда на самом деле это всё уже в прошлом. Как я говорил в начале, у меня больше нет уверенности, с которой я мог бы называть себя детективом. Мой Потусторонний оставил меня. Я - всё ещё я, но моя роль в этом мире больше не гарантируется Потусторонним. Потусторонний выбрал нового главного героя для этого мира... для этой истории. Тебя, Джордж Джостар. Это последнее, в чём я уверен[4].

А-а-а? Что за...?

— И единственная причина, по которой я могу быть уверен, что это ты, заключается в том, что тебе завидую. Я бы никогда не подумал, что лишиться причины своего существования может быть так ужасно. До этого у меня никогда не было таких мыслей. Это действительно говорит о том, насколько часто я воспринимал своё положение как должное, и какое душевное спокойствие мне это приносило. Конечно, в моей жизни были свои чёрные полосы, и порой случались грустные и болезненные вещи. Но пока я выполнял свою роль, я был всем доволен. И жизнь, наполненная удовлетворением - это то, за что нужно быть благодарным. Я знаю это, хоть мне и одиннадцать. И поскольку мне одиннадцать, я немного завидую тому, как ты украл моё положение. В конце концов, я всего лишь ребенок.

Я был вполне уверен, что не виноват ни в чём, в чем он меня обвинял, но кроме того, всё это была бессмыслица.

— Так это значит, я должен стать Шерлоком Холмсом и вести себя как детектив вместо тебя? - спросил я.

Он подмигнул мне.

— А! Ха! Ха! Нет, вряд ли. В твоей истории и так уже есть монстры и мистические силы, поэтому я сомневаюсь, что в конечном итоге ты станешь детективом, - усмехнулся он, - Думаю, ты сыграешь персонажа Джорджа Джостара в истории под названием «Джордж Джостар».

Ну да, конечно.

— Тогда всё нормально. Всё равно я так и планировал.

Цукумодзюку бросил на меня очень серьёзный взгляд.

— Ты так не думай. С Потусторонним на твоей стороне, твоё приключение будет несравнимо ни с чем. Позволь мне дать тебе один совет: ты должен верить. Верь в Потустороннего, и ты возьмёшь верх над своей судьбой.

Он подал это как пророчество, но я не мог воспринимать его слова всерьёз.

Тем не менее, я подружился с Цукумодзюку. К концу дня мы стали лучшими друзьями, о которых я всегда мечтал. Мы говорили обо всем. Мои истории всегда вызывали жалость, но вот рассказы Цукумодзюку о его приключениях были очень занимательными. Он был японцем, и его имя можно было написать с помощью кандзи. В его кандзи использовались цифры 9, 10, 9, 10 и 9. Даже в Японии ни у кого не было такого имени. Родился он в префектуре Фукуи, в маленьком городке под названием Ниси Акацуки[5]. Когда ему было три года, его отец-археолог отвез его в Африку, а когда ему исполнилось пять, он прибыл на Канарские острова вместе со своей матерью. В шесть лет он начал работать детективом, но не только на Канарах, а и на материковой части Испании. Однажды его даже вызвали в Египет, чтобы разгадать одну тайну. Дела, которые он раскрыл, были такими же странными, как он меня уверял, и после решения стольких невероятно запутанных задач не тяжело понять, почему он считал, что на его стороне был какой-то бог.

Я больше не возвращался в школу. Вместо этого, я проводил всё своё время, играя с Цукумодзюку. Лизе Лизе уже почти пришлось время покинуть нас, но я был так занят наслаждением дружбой, что в течение нескольких недель едва ли с ней разговаривал. Изначально я ожидал, что буду грустить, но ситуация стала похожа на прощание без слёз. Стрейтс и его таинственные спутники пришли на ужин, много ели и пили. Мама плакала, а Лиза Лиза казалась такой же свободной от эмоций, как и я.

Она просто сказала всем: «Я буду следовать своей судьбе», — и никак не попыталась даже поговорить со мной.

Я не был... рад тому, что мне пора было уходить, однако у меня появился новый друг, и Антонио Торреса, источника моих мучений, рядом больше не было, поэтому о будущем я больше не беспокоился. Я подумал, Лиза Лиза была рада, что теперь ей не нужно всё время защищать меня, хоть я и не сказал ей об этом.

То, что я действительно сказал ей, звучало иначе.

После большого шумного ужина, когда все понесли свои напитки в сигарную комнату или на террасу, я услышал голос, зовущий меня по имени, и повернулся к Лизе Лизе, стоящей на том самом месте в своём зелёном платье.

— Привет, — сказал я, не зная, что можно было сказать ещё. Я знал, что должен был о многом ей сказать, но всё казалось мне неправильным.

— Ещё когда я была маленькой девочкой, я всегда удивлялась, почему я не была Джостаром, — сказала Лиза Лиза. — Я хотела, чтобы это было так. Тогда матушка Эрина была бы мне мамой, ты был бы для меня младшим братом, а я была бы твоей старшей сестрой.

— ...М-М.

— Но когда я стала старше, я начала думать, что, может быть, даже лучше, что в действительности всё совсем не так.

— Почему? Потому, что если бы ты была мне сестрой, то я бы усложнил тебе жизнь?

Она засмеялась. Я уже долгое время не видел её улыбку.

— Джордж, не глупи. Нет. Как ты думаешь? Хотел бы ты, чтобы я была твоей сестрой?

— Э-э-э? Я не могу себе это даже представить. Не знаю, что тут и думать. Ты всегда будешь для меня Лизой Лизой.

И правда. Эта мысль, конечно, приходила мне в голову, но я просто не мог представить себе мир, в котором она была со мной в родстве. И я никогда не задумывался о том, хорошо ли, что это не так.

— Хорошо, — сказала Лиза Лиза, улыбаясь.

— Что?

— Ну, если бы мы были братом и сестрой, мы бы не могли пожениться.

— А-а-а?

— У меня пока что не возникло любви или чего-то подобного, но... я рада, что могу выйти за тебя замуж.

Жениться? На Лизе Лизе?

— Я не могу себе этого представить, — выпалил я. В этом не стоило сознаваться девушке, тем более Лизе Лизе.

— Хе-хе, ты такой грубый! — со смехом сказала она.

— Я люблю тебя, Лиза Лиза, — быстро ответил я.

Я понятия не имел, почему сказал это.

— И я тебя, Джордж. Я тоже тебя люблю.

О чём мы вообще говорили?

Мы легли спать, а когда утром, проснувшись, пошли провожать её, она просто помахала мне рукой, и я даже не могу вспомнить, сказала ли она что-нибудь ещё напоследок. Мы с мамой вернулись в дом одни, и я пошёл играть с Цукумодзюку.

В новом году нам с Цукумодзюку исполнилось двенадцать лет. Проводя время вместе, мы часто сталкивались с загадками, и на Канарских островах я впутался в не менее чем три дела серийных убийц.

— Какого чёрта? Я всё ещё отлично справляюсь с детективной работой, — сказал однажды

Цукумодзюку, почёсывая голову. Он был очень, очень умён, и мне не удавалось быть полезным даже на уровне Ватсона.

В тринадцать лет мы разгадали пятнадцать загадок запертых комнат, в четырнадцать мы схватили двух серийных убийц, а когда нам исполнилось пятнадцать, мы обнаружили, что пятнадцать загадок запертых комнат двухлетней давности на самом деле были работой одного человека, и так поймали настоящего убийцу. Под «мы» я подразумеваю преимущественно Цукумодзюку.

Я думал, что в старшей школе мы проведём время точно так же, но вскоре после поимки убийцы с пятнадцатью загадками запертых комнат Цукумодзюку должен был вернуться в Японию, и из-за этого я много плакал. Я действительно не представлял, как смогу пройти через всё в одиночку.

— Ха-ха-ха, вот и проявил себя Потусторонний, — сказал он, стоя в доках. Я давно не слышал этого слова.

— Это не смешно, — сказал я, хоть и знал, что он никогда не шутил.

— Я серьёзно. Ты помнишь, что я сказал тебе, когда мы разговаривали в первый раз? То, что я сказал тебе запомнить?

Верь в Потустороннего, и ты возьмёшь верх над своей судьбой.

Я сделал это. Но мне хотелось сосредоточиться на том, как я был несчастен, прощаясь со своим первым и единственным другом, и уж точно не хотелось разговаривать об этом абсурде. Сейчас нести чушь о том, что я был главным героем своей собственной жизни, было совершенно бессмысленно. Я просто не хотел прощаться с этим притягательным детективом, который разгадал в паре со мной множество загадок.

— Когда-нибудь я приеду в Японию. Я найду тебя даже на другом конце света. И вместе мы раскроем ещё больше дел! — Или, во всяком случае, их раскроет он.

— У меня такое чувство, что этого никогда не произойдёт, — смеясь, сказал Цукумодзюку. Я не мог в это поверить. У него вообще не было такта.

— Нет, я приеду, — настоял я.

— Если этого захочет Потусторонний, — он сказал это, дал мне японский словарь и уплыл прочь.

Три дня спустя судно Цукумодзюку исчезло у побережья Флориды. Через пять дней эта новость достигла Канарских островов. Я молился каждую ночь в течение двух месяцев, но когда армия нашла судно на дне моря, мне пришлось смириться с чувством глубокого предательства.

Я проклял Бога и заплакал. Не знаю, какой план у тебя был, но цена за кражу моего друга была очень, очень высока. Он был моим первым и единственным другом. Он был удивительным. Главным героем должен был быть он!

Примечания:

[1] Jorge/George — для русского языка обе эти надписи звучат "Джордж", и потому разница в написании значения не имеет. Однако, для английского языка традиционно это имя пишется "George". Jorge — испанская версия этого имени, читающаяся как Хорхе, из-за чего местные и называют так главного героя.

[2] Эдгар Аллан По - американский писатель и поэт, литературный критик и редактор, создатель формы современного детектива и жанра психологической прозы.

[3] «Убийство на улице Морг» - рассказ американского писателя Эдгара Аллана По, который принято считать первым детективным произведением в истории литературы.

[4] «Потусторонний выбрал нового главного героя для этого мира... для этой истории» - Цукумодзюку является главным героем другой раннее вышедшей новеллы Мейдзё Отаро под одноимённым названием «Цукумодзюку».

[5] Фукуи, Ниси Акацуки - автор романа, Мейдзё Отаро, сам родился в Фукуи, и поэтому действия его сюжетов зачастую происходят именно в этой префектуре (области в Японии). Ниси Акацуки - выдуманный им город, который также часто появляется на страницах его книг (например, в новелле «Цукумодзюку»).

<http://tl.rulate.ru/book/90885/2921628>